

ПРЕДПОСЫЛКИ ЭКОСИСТЕМНОГО ПОДХОДА В ОРГАНИЗАЦИИ ГРАЖДАНСКОЙ АКТИВНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ (ЧАСТЬ 2)*

А. В. Соколов

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова,
Российская Федерация, Ярославль, 150003, ул. Советская, 14

А. В. Палагичева

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова,
Российская Федерация, Ярославль, 150003, ул. Советская, 14

Статья представляет собой продолжение опубликованной в предыдущем номере журнала статьи. В первой части были рассмотрены теоретические подходы к пониманию и интерпретации экосистем. На их основе было сформулировано определение экосистемы гражданской активности как совокупности цифровых сервисов, образующих единую инфраструктуру взаимодействия, а также создания коалиций и сотрудничающих партнерств, действующих в интересах их создателей. Также были выделены особенности экосистем гражданской активности: развитие цифровых форм гражданской и протестной активности, использование цифровых сервисов и площадок, многоканальность коммуникации, множественные кооперации, сотрудничество и горизонтальное взаимодействие участников. С целью выявления особенностей развития гражданской и протестной активности в современной России в условиях развития цифровых сервисов и платформ, выступающих предпосылкой создания экосистем в политике, было осуществлено обобщение результатов опросов экспертов, проведенных в 2014–2022 гг. Результаты исследования указывают на тенденции планомерного развития цифровой и традиционной гражданской активности в субъектах Российской Федерации. Можно говорить об усилении гражданского действия в сети и повышении роли цифровых форм гражданской активности, а также частичном «переходе» субъектов гражданского общества в интернет-пространство для повышения эффективности деятельности. В результате активно развиваются сетевые принципы организации коллективных действий граждан. Указывается, что протестные действия, равно как и другие формы гражданской активности, чаще осуществляются в интернете. В результате наблюдается развитие цифровой инфраструктуры для участников социально-политических проектов и кампаний — платформ, сервисов для взаимодействия. Она обеспечивает многоканальность взаимодействия между организационным ядром и гражданскими активистами, позволяя создавать единое пространство коммуникации. Отмечается, что в современном российском обществе реализация масштабных «бесшовных» цифровых

* С первой частью статьи можно ознакомиться: *Соколов А. В., Палагичева А. В.* Предпосылки экосистемного подхода в организации гражданской активности в современной России (часть 1) // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2022. Т. 18, № 3. С. 272–287. <https://doi.org/10.21638/spbu23.2022.303>

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда в рамках исследовательского проекта № 22–28–01517 «Цифровые экосистемы в политике: проблемы создания и перспективы развития», <https://rscf.ru/project/22–28–01517>.

экосистем является пока лишь перспективой для развития. При этом успешно действует модель взаимодействия, базирующаяся на кооперации пользователей вокруг цифровой платформы.

Ключевые слова: гражданская активность, протест, экосистемный подход, цифровая инфраструктура, сервисы и платформы, кооперация.

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ПРОТЕСТНОЙ АКТИВНОСТИ И ОНЛАЙН-КОММУНИКАЦИЯ АКТИВИСТОВ

На протяжении 2020–2021 гг. в российских регионах отмечается рост протестных действий онлайн и офлайн. За последний год активность в интернет-среде выросла на 0,27 балла, достигнув показателя в 1,3 балла (где –5 — резкое снижение протестных действий, 0 — находят баланс между личными целями и общественными интересами; 5 — резкий рост протестных действий). Динамика активности традиционных форм протестной активности увеличилась на 0,33 балла, достигнув при этом значения в 0,63 балла.

Присутствует разрыв в уровне протестной активности в онлайн- и офлайн-среде, который сохраняется и сегодня. Оценки экспертов указывают на то, что протестные действия чаще осуществляются в интернете. В 2021 г. традиционный протест отмечается как менее популярный в сравнении с цифровым на 0,67 балла. В 2020 г. протестные действия также чаще осуществлялись в онлайн-среде. Тем не менее уровень активности протестных действий возрастает соразмерно онлайн и офлайн.

На фоне роста популярности интернета как площадки для выражения гражданской позиции традиционные акции протеста используются реже. Стремительное развитие платформ является технической основой для трансформаций и развития протестной активности в цифровой среде. Исследователи С. А. Панкратов, С. И. Морозов, С. Д. Гаврилов наделяют представителей цифрового поколения чертами «цифровых бунтарей» и связывают эту характеристику с переносом гражданских и политических практик в онлайн-пространство [Панкратов, Морозов, Гаврилов, 2022, с. 216]. Сетевые связи между индивидами в онлайн-среде родственны связям в физической реальности, а цифровые платформы могут выступать центральными площадками формулирования коллективных целей и идентичностей [Ахременко, Стукал, Петров, 2020, с. 87].

Гражданские активисты и их объединения свободно и умело используют инструменты коммуникации в интернете, которые стали уже естественными и свойственными для реализации гражданской активности. Процессы воспроизводства сценариев такого поведения и передачи навыков работы в интернете для создания и функционирования сообществ активистов привели к «оприличиванию» интернета, его механики и всех связанных с ним продуктов: социальных сетей, мессенджеров, сайтов, блогов, а также программного обеспечения, требующего доступ к сети [Соколов, Беляков, Миронова, 2021, с. 64].

Формирование инфраструктуры цифровой коммуникации способствует развитию коммуникативной активности граждан. Исследователь И. Волкмер говорит об использовании аудиторией практически неограниченных «кросс-

сплатформенных коммуникативных практик» на стыке интернет-ресурсов, спутниковых каналов, мобильных приложений, стримингового телевидения и традиционных медиаформ [Volkmer, 2019, p.253]. Кроссплатформенные мессенджеры сыграли особую роль в протестной активности в Белоруссии и США в 2020 г. Они вызывают эффект, напоминающий эффект «рекламы от знакомых», вызывая больше доверия потребителя [Будаев, Кушнерук, Курочкина, 2022, с. 35].

Ярким примером цифровой протестной активности являются онлайн-митинги, главной площадкой которых стал сервис «Разговорчики» в приложении «Яндекс.Карты» и «Яндекс.Навигатор». Ряд онлайн-протестов против режима самоизоляции состоялся в российских городах в 2020 г. Другой значимой площадкой для выражения общественного несогласия являются социальные сети, где организуются флешмобы солидарности или осуждения (флешмоб в поддержку И. Голунова «Я/Мы Иван Голунов», а также другие многочисленные случаи использования данного символа солидарности — «Я/Мы отопление»; флешмоб российских преподавателей #учителяতোজেলুদি) [Бронников, Горбачев, 2020, с. 32].

Сформировалась многоканальность коммуникации гражданских активистов в интернете. Она создает своеобразную среду в виртуальном пространстве, которая структурируется за счет связей и платформ. Широкий набор площадок, а также их функциональность (многообразие способов взаимодействия: лайки, комментарии, репосты) и широкоформатность (подкаст, блогинг, фото-, видео-, аудиоконтент) позволяют выбирать обеим сторонам коммуникации наиболее комфортный, доступный, оптимальный в соответствии с целями канал взаимодействия. При этом за счет множественности каналов коммуникации организатор общественно-политического движения способен обеспечить взаимодействие с аудиторией, ориентируясь на потребителя контента. В результате таргетированного воздействия на аудиторию складывается двусторонний целевой обмен, где удовлетворяются потребности и интересы сторон. Цифровые технологии изменяют традиционные общественные институты и создают новые паттерны действия граждан, процедуры воспроизводства общественных движений.

СЕТЕВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ГРАЖДАНСКОЙ АКТИВНОСТИ КАК ОСНОВАНИЕ ДЛЯ РАЗВИТИЯ ЭКОСИСТЕМ ГРАЖДАНСКОЙ АКТИВНОСТИ

Одним из значимых и отличительных элементов экосистем является их модульная структура, объединяющая вариации партнеров и участников, которые в совокупности за счет своих особых компетенций и ресурсов влияют на создание итоговой новой ценности, услуги. Такая организация не предполагает иерархию управления, а лишь координацию и согласование во взаимоотношениях, что указывает на тесную связь с общими принципами построения сетей. Используемые в рамках гражданской и протестной активности в современном российском обществе сетевые принципы для организации и вовлечения граждан к участию позволяют мобилизовать широкую социальную базу, объединить ресурсы и организовать коалиции.

По результатам мониторингового исследования (с 2014 по 2019 гг.) важнейшими принципами функционирования кооперации общественных организаций и гражданских активистов в России являются общая цель/интерес к причине гражданской активности и добровольный характер участия (см. таблицу). Стремление достичь поставленной цели за счет объединения единомышленников вокруг проблемы становится главной мотивирующей силой.

Таблица. Значимость принципов взаимодействия для кооперации общественных организаций и гражданских активистов

Принцип	2014*	2015**	2017	2018	2019
Общая цель/интерес к причине гражданской активности	2,6	7,28	8,55	8,66	8,19
Добровольный характер участия	4,1	7,37	7,86	8,00	7,74
Наличие развитой системы внешней коммуникации	–	–	–	7,26	7,51
Открытость, развитие системы внешних связей	4,6	5,95	7,47	7,43	7,38
Основой взаимодействия является доверие — это договорная структура, базирующаяся на согласованных формальных и неформальных правилах	3,4	6,63	7,42	7,78	7,18
Четко регулируемые финансовые вопросы	–	6,67	7,37	7,33	7,05
Организация коммуникаций, обеспечивающих равный доступ к информации для всех членов коалиции	–	6,36	7,29	7,08	7,03
Обязательное наличие коммуникации с органами власти	–	–	–	6,86	6,69
Равноправие субъектов, координация без иерархичного управления, формирование совместного решения по интересующим вопросам	3,8	6,05	6,39	6,77	6,55
Отсутствие конкуренции между коалицией и ее членами	–	5,82	6,07	6,01	6,50
Ресурсная взаимозависимость, т.е. сеть складывается для выработки соглашений в процессе обмена ресурсами, имеющимися у субъектов гражданской активности	4,4	5,76	6,46	6,82	6,46
Преобладание горизонтальных связей над вертикальными	4,5	5,74	5,88	6,71	6,05
Организации должны быть защищены от утраты собственной автономии	–	5,48	6,17	6,57	5,98

Примечания: * Определение значимости принципов взаимодействия для кооперации общественных организаций и гражданских активистов осуществлялось методом ранжирования от 1 до 7 (где 1 — наиболее значимый принцип, а 7 — наименее важный), а затем расчета средних рангов экспертов (было выделено и представлено экспертам 7 принципов); ** В 2015–2019 гг. определение значимости принципов взаимодействия для кооперации общественных организаций и гражданских активистов осуществлялось по шкале от 1 до 10, где 1 — наименее сильное влияние, 10 — наиболее сильное влияние. Эксперты могли выставить любую оценку каждому из обозначенных принципов (в 2015 и 2016 гг. их было выделено и представлено экспертам 11, в 2018 и 2019 — 13).

В последнее время все большее значение для объединения общественных организаций и гражданских активистов играет наличие развитой системы внешних коммуникаций. Далее в рейтинге важности принципов взаимодействия для кооперации общественных организаций и гражданских активистов стоят доверие как основа взаимодействия участников и открытость, наличие системы внешних связей.

Стоит указать, что эксперты достаточно высоко оценивают и все остальные принципы кооперации, среди которых четко регулируемые финансовые вопросы, равный доступ к информации для всех членов коалиции, наличие коммуникации с органами власти. Особое внимание стоит уделить принципу равноправия субъектов, который демонстрирует важность для участников коалиции координации без иерархичного управления.

Данные сетевые принципы построения взаимодействия внутри общественных объединений демонстрируют наличие схожих элементов со структурой экосистем. Превалирование горизонтальных связей над вертикальными, преимущественные отношения кооперации над соперничеством, относительная автономность субъектов, открытость, развитость внешних коммуникаций, равноправие субъектов и возможность оказать воздействие на результат — характерные для сетевого взаимодействия черты, присущие общественным объединениям и протестным движениям.

В результате кооперации и сотрудничества организаций возникают сетевые эффекты, которые усиливают результативность их функционирования. Прямые сетевые эффекты возникают, когда выгода от участия в сети для пользователя зависит от количества других пользователей сети, с которыми они могут взаимодействовать [McIntyre, Srinivasan, 2017, p. 143]. Подобные сетевые эффекты проявляются в процессах реализации краудсорсинга, а также других взаимовыгодных обменах. Исследователь М. А. Шабанова раскрывает новые потребительские практики гражданского общества (peer-to-peer communication) — передача ненужных вещей в хорошем состоянии незнакомым людям с помощью специальных интернет-площадок, а также фудшеринг (foodsharing), карпулинг (carpooling) и практика обмена жильем при путешествиях [Шабанова, 2020, с. 4]. Чем больше участников, тем больше возможностей для обмена и получения прямой выгоды.

Протестная активность также зависит от коллективной кооперации участников сети, от количества партнерств, с помощью которых расширяются каналы и способы мобилизации граждан. Выделяют два фактора, повышающих эффективность протеста: насколько сильно индивид идентифицирует себя с движением и размер социального движения [Moss, 2019, p. 1001]. Важным является чувство причастности к конкретному сообществу, а также вера в успех движения. Чем больше база активистов, тем больше социальная поддержка коллективного действия и выше вера в него [Klandermans, 1997, p. 103].

Исследователи О. Д. Цепилова, В. Б. Гольбрайх отмечают протестное движение «Стоп-Шиес» как одно из самых высокоорганизованных по уровню сетевого взаимодействия рядовых участников протеста, экологических и правозащитных НПО [Цепилова, Гольбрайх, 2020, с. 136]. Также протест против строительства

храма в Екатеринбурге в 2019 г. консолидировал множество местных объединений и организаций, проблематика которых в целом не относится к протестной активности. За счет кооперации городских сообществ (спортивных, семейно-досуговых, музыкальных и др.) были организованы мероприятия, которые создали массовую поддержку протеста.

Сетевая структура организации гражданской активности и использование цифровых платформ трансформировали роль пользователей площадок. Можно выделить три вида онлайн-активности: сбор информации, социальное взаимодействие и творческое производство [Пырма, 2019, с. 66]. Последнее демонстрирует, что граждане проявляются не только в качестве потребителя (например, информации), но и в качестве производителя (контента). С. В. Володенков указывает на возможности комментарийной активности задавать вектор восприятия информации другими пользователями [Володенков, 2019, с. 345]. Особая роль отводится и пользователям экосистем, так как платформы предполагают их проактивное участие, а также участие компаний экосистемы и иных контрагентов в развитии новых продуктов и услуг [Данилин, Мамедьяров, 2020, с. 277]. Таким образом, за счет сетевых принципов организации социально-политических объединений могут сформироваться элементы, присущие экосистемам: модульность, отношения сотрудничества с партнерами, горизонтальное взаимодействие, взаимная выгода для всех участников, активная роль пользователей.

ТЕНДЕНЦИИ ФОРМИРОВАНИЯ КООПЕРАЦИЙ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ

Экосистемы, в том числе платформенные, характеризуются преобладанием отношений кооперации. Ориентация на взаимодействие через построение коалиций, а также на взаимопомощь и социальную кооперацию характерна для гражданского участия в современной России. По результатам опроса экспертов, с 2019 г. в регионах отмечается тренд на увеличение активности коалиций общественных объединений. Он связан с проникновением и развитием сетевых принципов работы организаций. В результате объединения совместных усилий возникает синергия взаимодополнения друг друга в процессе достижения поставленных целей.

Сетевая структура организации объединений позволяет внедрять практики партнерских проектов и создавать обширную инфраструктуру для участия граждан, усиливая тем самым масштабы социальных проектов и протестных кампаний. Результативность партнерских сетей объясняется кооперацией и, как следствие, использованием разных методов, наличием различных лоббистских возможностей и своих целевых сторонников [Шухов, 2019, с. 32]. Создание коалиций общественных объединений подразумевает партнерство с различными субъектами: бизнес-структурами, гражданами, платформами, инициативными группами, зарегистрированными организациями, партиями и др.

Совместная проектная деятельность за счет объединенных ресурсных возможностей и компетенций обеспечивает внедрение инновационных идей, обогащая общий набор инструментов достижения целей и способов решения

социальной проблемы, а также расширяя пространство для включения заинтересованных граждан. Новые совместные подходы заинтересованных сторон к решению поставленных задач способствуют привлечению к социальному проекту или протестной кампании новой аудитории, формирующей сетевое сообщество, чьи ценности и потребности являются также приоритетными для создателя. Образуются взаимовыгодное взаимодействие и коммуникация между коалицией и потребителем в процессе достижения желаемого обеими сторонами и одновременно совместного создания новой ценности.

Эффективную модель сетевой кооперации коалиции демонстрирует пример инициативной группы против строительства Томинского горно-обогатительного комбината (2013 г.). К уже привычному для гражданских сетей обмену ресурсами (информацией, знаниями, финансами) добавляется круг таких участников, который выводит сеть за рамки проблемного сектора, — СМИ и широкие общественные инициативы (движение «Большой Челябинск»). Кооперация данного движения осуществляется по нескольким направлениям: работа с экологическими инициативными группами; взаимодействие с бизнес-сообществом (выступают с инициативами, оказывают материально-финансовую поддержку); создание условий для кооперации с региональными движениями за гражданские права (Гражданское движение Южного Урала) и политическими партиями («Яблоко», КПРФ) [Шерстобитов, Никифоров, 2018, с. 107].

Анализируя уровень активности гражданских объединений в регионах России за время проведения мониторингового исследования (с 2014 г. по настоящее время), можно отметить высокую степень действия формально зарегистрированных общественных объединений и формально не зарегистрированных объединений граждан (локальных групп, общественных движений, интернет-сообществ и т. п.) (см. рисунок). Такое распределение оценок экспертов относительно роли некоммерческих организаций и неформальных инициатив стало уже традиционным и отмечается опрашиваемыми ежегодно.

Меньшее постоянство наблюдается в вопросах активности коалиций. До 2020 г. смешанные коалиции из формальных и неформальных организаций создавались на практике довольно часто и занимали условно третье место (чаще это делали только НКО и неформальные объединения). При этом значительно менее заметной оказалась деятельность коалиций незарегистрированных объединений и деятельность коалиций зарегистрированных организаций.

Однако в 2020 г. произошли значительные изменения, которые проявляются в усилении деятельности коалиций оформленных общественных объединений (15,6 %), которые за год набрали +10,7 % и смогли занять место смешанных коалиций. При этом оценки относительно активности коалиций неформальных объединений остались примерно на том же уровне, вернувшись к средним показателям 2014–2018 гг. (в 2019 г. отмечался спад на 2,2 %), и набрали 5,6 % ответов экспертов. Деятельность же смешанных коалиций оценивается как мало-заметная, так как в 2020 г. получила самые низкие показатели в 3,1 %, потеряв за год 12,8 %.

Данная тенденция сохраняется и в 2021 г. Деятельность зарегистрированных организаций продолжает приобретать все большую активность (40,1 %, вы-

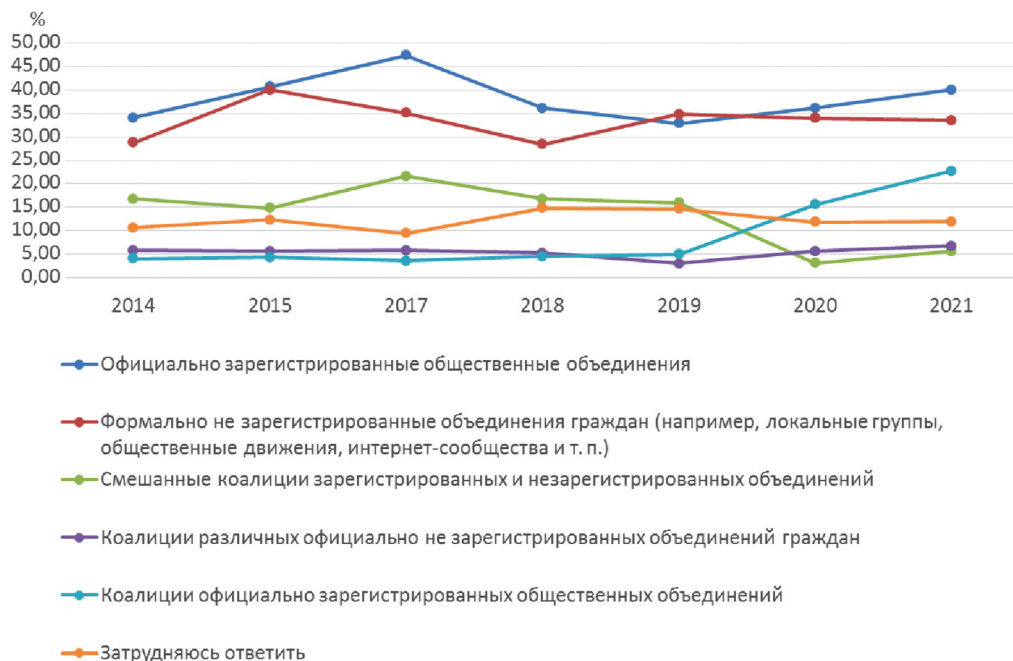

Рисунок. Какие гражданские объединения демонстрируют наибольшую активность в вашем регионе?

росла за год на 4 %). Формально не зарегистрированные объединения граждан демонстрируют свою активность стабильно на прежнем уровне (33,5 %, отсутствие динамики). Эксперты отмечают значительный рост активности коалиций официально зарегистрированных объединений (22,7 %, за год +7,1 %), а также небольшую положительную динамику активности коалиций незарегистрированных организации (6,7 %, +1,1 %), смешанных коалиций (5,6 %, +2,5 %).

Представители общественных организаций и группы гражданских активистов объединяются для достижения своих целей, тем самым образуя коалиции разного масштаба. Исследование коопераций в сетях общественных инициатив в российских городах А. А. Никифорова и А. С. Шерстобитова демонстрирует следующий пример из области защиты прав животных: кооперация, сеть участников которой («Помощь бездомным животным» в Екатеринбурге, «ВИТА — Челябинск» и др.) часто включает сообщества вегетарианцев, приюты для собак и кошек, зоомагазины. Устойчивая кооперация и достаточно интенсивный ресурсный обмен участников формируют сообщество по модели социального сервиса [Шерстобитов, Никифоров, 2018, с. 111].

Строительство коопераций упрощается за счет технологий интернета, мобильных разработок и сервисов. Интернет-пространство является более приспособленным и адаптированным для формирования коалиций. Результаты мониторингового исследования показывают, что в российских регионах

онлайн-кооперации более многочисленны по сравнению с традиционными формами взаимодействия. В 2021 г. в онлайн-пространстве выросла практика создания крупных коалиций, которые насчитывают более десяти участников. Коалиции, объединяющие от двух до четырех участников, становятся менее востребованными. Ярким примером многосубъектных протестных кампаний стали кампании и акции несогласия с массовой вакцинацией, антиковидными ограничениями в регионах страны (например, против введения QR-кодов), экологические протесты (например, на Дальнем Востоке против захоронения в регионе ядохимикатов с космодрома «Восточный»).

В целом в 2021 г. отмечается тренд на укрупнение коалиций в офлайн-и онлайн-среде за счет расширения количества участников. По оценкам экспертов, в традиционной гражданской активности возросла практика создания коалиций с количеством участников от шести до пятнадцати. При этом партнерства, включающие менее четырех и более пятнадцати участников, теряют свою популярность. Кажется, что общественные организации и объединения выбирают оптимальное количество участников коалиции ситуативно. Определенную роль в этом процессе также играет накопление опыта в управлении кооперациями общественными объединениями.

В целом создание коалиций является неотъемлемой частью деятельности общественных объединений и гражданских инициатив. При этом развитие практик многочисленных коопераций и использование интернет-площадок, сервисов и приложений для их координации позволяют говорить о трансформации взаимодействий субъектов в рамках социально-политической активности и формировании основ для развития экосистем. В результате процессов кооперации и сотрудничества с партнерами, создания сети взаимодействий на базе платформ возникает синергия, которая проявляется в инновационных проектах, взаимовыгодном взаимодействии для всех вовлеченных участников, эффективной мобилизации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Современные экосистемы обладают характерными для них структурными элементами и специфическими функциональными характеристиками. Можно выделить такие из них: наличие платформы, объединяющей сервисы услуг; стержневая организация; сотрудничество и конкуренция участников кооперации; модульность и гибкость структуры; кастомизация услуг и клиентоориентированность; сетевые принципы в основе организации; диалог и совместное создание продукта. В российском гражданском обществе проявляются некоторые из представленных элементов, формируя тем самым перспективу для дальнейшего развития активизма по модели экосистем.

Одной из важнейших предпосылок формирования экосистем в среде гражданского активизма является цифровизация. Деятельность формальных и неформальных общественных объединений в значительном объеме осуществляется в интернете. Постепенно формы цифрового гражданского активизма опережают традиционные формы активности и становятся более популярными,

динамичнее развиваются. Переход гражданских активистов в интернет-среду обусловлен множественными факторами, в том числе созданием онлайн-платформ коммуникации власти и общества. При этом отмечается стагнация гражданской активности офлайн.

Результаты проведенного исследования указывают на тенденции планомерного развития гражданской активности онлайн и офлайн в субъектах Российской Федерации. При этом стоит отметить усиление темпов развития и популярности гражданской активности онлайн и снижение развития традиционных форм участия граждан. Чаще граждане выражают свое несогласие в сети, чем в офлайн-пространстве. Можно говорить об усилении гражданского действия в сети и повышении роли цифровых форм гражданской активности, а также частичном «переходе» субъектов гражданского общества в интернет-пространство для повышения эффективности деятельности.

Организация гражданской активности осуществляется на основе сетевых принципов, важнейшими из которых традиционно являются общая цель/интерес к причине гражданской активности и добровольный характер участия. Также особое значение приобретает развитость системы внешних коммуникаций. Особенности построения сетей позволяют субъектам гражданского общества создавать горизонтальные структуры взаимодействия, коммуникации и сотрудничества, объединяя совместные усилия с партнерами и создавая общее пространство для действия. Еще одна тенденция развития гражданской активности в современной России связана с развитием коалиций общественных объединений. В 2021 г. отмечается общее укрупнение коалиций за счет увеличения числа их участников в онлайн- и офлайн-среде. При этом в виртуальном пространстве коалиции являются более многочисленными по сравнению с офлайн-средой гражданской активности.

Протестные действия, ровно так же, как и иные формы гражданской активности, чаще осуществляются в интернете. Хотя в целом активность онлайн- и офлайн-протеста в регионах возрастает соразмерно в обоих пространственных измерениях.

Переход гражданской активности в цифровое пространство также обусловлено формированием инфраструктуры для участников социально-политических проектов и кампаний — платформ, сервисов для взаимодействия. Для самоорганизации активисты используют социальные сети, каналы в мессенджерах, инструменты геолокаций и карт, сайты организаций и проектов, видеохостинги, мобильные приложения, фандрайзинговые площадки и многое другое. Многоканальность взаимодействия между организационным ядром и гражданскими активистами создает единое пространство коммуникации, где происходят процессы создания и производства социокультурной ценности, реализации интересов сторон.

Инфраструктура, сформированная вокруг проекта или движения, призвана обеспечить социальный капитал и реализацию интересов создателя и активиста. Под инфраструктурой гражданской активности в данном исследовании мы понимаем совокупность систем, объектов, платформ и способов в цифровом и реальном пространствах, способствующих осуществлению гражданской ак-

тивности. Стоит отметить, что инфраструктура гражданского участия в современном российском обществе развивается онлайн и офлайн, в последние несколько лет особенно динамично создаются и распространяются механизмы и практики коллективных действий в интернете.

За счет инфраструктуры создаются сетевые сообщества вокруг социально-политических проектов или организаций, единое пространство для взаимодействия создателя и потребителя. Вовлечение и «удержание» активиста в сети осуществляется по модели «социального сервиса». За счет ориентированности на активиста и его потребностей реализуется многоканальность коммуникации, вариативность и инновационность проектов и производимых продуктов.

Помимо платформизации гражданской активности как основы для создания инфраструктуры взаимодействия, в современном российском обществе отмечается также тренд на укрупнение коалиций общественных объединений за счет многочисленных партнерств. На практике общественные движения стали чаще создавать кооперации для совместной инновационной деятельности, которая «погружает» активиста в среду единомышленников, где комфортно реализовывать себя и удовлетворять потребности, создавать контент и т. д., — так называемая экосистема пользователя. При этом воздействие «эхо-камер» способствует усилению идентификации активиста с движением и его ценностями, образцами мышления, репертуаром действий.

Особенностью экосистем является их модульная структура, где платформы объединяют пользователей с производителями. Корневая организация создает кооперации с общественными объединениями, сервисами, платформами, создавая инфраструктуру (онлайн и офлайн) участия граждан, которая может быть декомпозирована за счет переструктурирования ее компонентов.

В идеальной модели экосистемы гражданской активности, по примеру бизнес-структур, создается «бесшовное» пользование сервисами внутри платформы, что усиливает уровень комфортного потребления благ и участия в их создании за счет мобильности. Таким образом, чем больше число коопераций (в том числе выходящих за проблематику общественного объединения) и поддерживающих их платформ, тем шире набор уникальных проектов и услуг в рамках общей линии общественного движения.

В современном российском обществе реализация такого вида цифровой экосистемы на данный момент является перспективой для развития. Однако уже довольно успешно действует такая модель взаимодействия, которая представляет собой кооперацию пользователей вокруг цифровой платформы — по примеру краудсорсинговых и фандрайзинговых проектов. В данном случае работает правило — чем больше участников, тем больше возможностей для обмена и получения прямой выгоды.

Литература

Ахременко А. С., Стукал Д. К., Петров А. П. Сеть или текст? Факторы распространения протеста в социальных медиа: теория и анализ данных // Полис. Политические исследования. 2020. № 2. С. 73–91. <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.02.06>

Бронников И. А., Горбачев М. В. Протестный потенциал самоорганизации российских граждан в условиях становления новых информационных институтов и медиаструктур // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2020. № 5. С. 23–35.

Будаев Э. В., Кушнерук С. Л., Курочкина М. А. Коммуникативное сопровождение массовых протестов в СМИ. СПб.: Научное издание. 2022. 201 с.

Володенков С. В. Влияние технологий интернет-коммуникаций на современные общественно-политические процессы: сценарии, вызовы и акторы // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 5. С. 341–364. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.5.16>

Данилин И. В., Мамедьяров З. А. Роль глобальных платформ в стимулировании цифровой трансформации: компетенционный и инновационный аспекты // Вестник МГИМО-Университета. 2020. Т. 13, № 3. С. 267–282.

Панкратов С. А., Морозов С. И., Гаврилов С. Д. Протестная активность современной молодежи в контексте институционализации цифровой политики // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2022. Т. 27, № 1. С. 213–224. <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.1.18>

Пырма Р. В. Влияние цифровых коммуникаций на политическое участие // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2019. Т. 9, № 4. С. 63–69. <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2019-9-4-63-69>

Соколов А. В., Беляков А. А., Миронова С. В. Роль информационно-коммуникационных технологий в развитии гражданского активизма // Южно-российский журнал социальных наук. 2021. Т. 22, № 1. С. 47–69.

Цепилова О. Д., Гольбрайх В. Б. Экологический активизм: мобилизация ресурсов «мусорных» протестов в России в 2018–2020 гг. // Журнал социологии и социальной антропологии. 2020. Т. 23, № 4. С. 136–162. <https://doi.org/10.31119/jssa.2020.23.4.5>

Шабанова М. А. Новые потребительские практики в условиях цифровизации гражданского общества: результаты эмпирического исследования в России (статья 2) // Социологические исследования. 2020. № 12. С. 3–17. <https://doi.org/10.31857/S013216250010205-8>

Шерстобитов А. С., Никифоров А. А. Ресурсный обмен и кооперация в сетях общественных инициатив в российских городах (на примере Челябинска, Екатеринбурга и Новосибирска) // Среднерусский вестник общественных наук. 2018. № 13(2). С. 99–114. <https://doi.org/10.22394/2071-2367-2018-13-2-99-114>

Шухов Ф. Г. Трансформация деятельности общественных объединений в условиях цифровой экономики // Вопросы российского и международного права. 2019. Т. 9, № 7А. С. 29–36.

Klandermans B. The Social Psychology of Protest. Oxford; Cambridge, Mass.: Blackwell Publishers, 1997.

McIntyre D. P., Srinivasan A. Networks, platforms, and strategy: Emerging views and next steps // Strategic Management Journal. 2017. Vol. 38, iss. 1. P. 141–160. <https://doi.org/10.1002/smj.2596>

Moss M. S. Leadership Strategies of Mobilisation and Demobilisation in Sudan // Journal of Social and Political Psychology. 2019. Vol. 7, iss. 2. P. 997–1020. <https://doi.org/10.5964/jspp.v7i2.869>

Volkmer I. The Transnationalization of Public Spheres and Global Policy // Stone D., Moloney K. (eds). The Oxford Handbook of Global Policy and Transnational Administration. Oxford: Oxford University Press, 2019. P. 240–256.

Соколов Александр Владимирович — д-р полит. наук, доц.; alex8119@mail.ru

Палагичева Ася Владимировна — канд. полит. наук; fornightingale@gmail.com

Статья поступила в редакцию: 12 июня 2022 г.;

рекомендована к печати: 22 сентября 2022 г.

Для цитирования: Соколов А. В., Палагичева А. В. Предпосылки экосистемного подхода в организации гражданской активности в современной России (часть 2) // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2022. Т. 18, № 4. С. 392–405. <https://doi.org/10.21638/spbu23.2022.403>

**PREREQUISITES FOR ECOSYSTEM APPROACH
IN CIVIC ACTIVITY'S ORGANIZATION IN MODERN RUSSIA (PART 2)***

Alexandr V. Sokolov

Demidov Yaroslavl State University,
14, Sovetskaya ul., Yaroslavl, 150003, Russian Federation; alex8119@mail.ru

Asia V. Palagicheva

Demidov Yaroslavl State University,
14, Sovetskaya ul., Yaroslavl, 150003, Russian Federation; fornightingale@gmail.com

The paper is a continuation of the article published in the previous issue of the journal. In the first part, theoretical approaches to understanding and interpreting ecosystems were considered. Based on them, the definition of the ecosystem of civic activity was formulated as a set of digital services forming a single infrastructure of interaction, as well as the creation of coalitions and cooperating partnerships acting in the interests of their creators. The features of civic activity ecosystems were also highlighted: the development of digital forms of civic and protest activity, the use of digital services and platforms, multi-channel communication, multiple collaborations, cooperation and horizontal interaction of participants. In order to identify the features of the development of civil and protest activity in modern Russia in the context of the development of digital services and platforms that serve as a prerequisite for the creation of ecosystems in politics, the results of expert surveys conducted in the period 2014–2022 were summarized. The results of the study indicate trends in the systematic development of online and offline civic activity in the subjects of the Russian Federation. We can talk about the strengthening of civil action in the Network and the increasing role of digital forms of civic activity, as well as the partial “transition” of civil society actors to the Internet space to increase the effectiveness of activities. As a result, the network principles of organizing collective actions of citizens are actively developing. It is indicated that protest actions, as well as other forms of civic activity, are more often carried out on the Internet. As a result, there is a development of digital infrastructure for participants of socio-political projects and campaigns — platforms, services for interaction. It provides multi-channel interaction between the organizational core and civil society activists, allowing you to create a single communication space. It is noted that in modern Russian society, the implementation of large-scale “seamless” digital ecosystems is still only a prospect for development. At the same time, a model of interaction based on the cooperation of users around the digital platform is successfully operating.

Keywords: civic activity, protest, ecosystem approach, digital infrastructure, digital services, digital platforms, cooperation.

References

Akhremenko A. S., Stukal D. K., Petrov A. P. Network vs message. In protest diffusion on social media: Theoretical and data analytics perspectives. *Polis. Political Studies*, 2020, no. 2, pp. 73–91. <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.02.06> (In Russian)

* See part 1: Sokolov A. V., Palagicheva A. V. Prerequisites for ecosystem approach in civic activity's organization in modern Russia (part 1). *Political Expertise: POLITEX*, 2022, vol. 18, no. 3, pp. 272–287. <https://doi.org/10.21638/spbu23.2022.303> (In Russian)

The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation within the framework of research project no. 22-28-01517 “Digital ecosystems in the field of border protection: Problems of creation and development”, <https://rscf.ru/project/22-28-01517>.

Bronnikov I. A., Gorbachev M. V. Protest potential of self-organization among Russian citizens in the context of the formation of new information institutions and media structures. *Vestnik of the Moscow University. Series 12: Political Sciences*, 2020, no. 5, pp. 23–35. (In Russian)

Budaev E. V., Kushneruk S. L., Kurochkina M. A. *Communicative support of mass protests in the media*. St Petersburg: Naukoemkie tekhnologii, 2022. 201 p. (In Russian)

Danilin I. V., Mamed'iarov Z. A. The Role of Global Platforms in Advancing Digital Transformation: Competence and Innovation Aspects. *MGIMO Review of International Relations*, 2020, vol. 13, no. 3, pp. 267–282. (In Russian)

Klandermans B. *The Social Psychology of Protest*. Oxford; Cambridge, Mass.: Blackwell Publishers, 1997.

McIntyre D. P., Srinivasan A. Networks, platforms, and strategy: Emerging views and next steps. *Strategic Management Journal*, 2017, vol. 38, iss. 1, pp. 141–160. <https://doi.org/10.1002/smj.2596>

Moss M. S. Leadership Strategies of Mobilisation and Demobilisation in Sudan. *Journal of Social and Political Psychology*, 2019, vol. 7, iss. 2, pp. 997–1020. <https://doi.org/10.5964/jspp.v7i2.869>

Pankratov S. A., Morozov S. I., Gavrilov S. D. Protest activity of modern youth in the context of institutionalization of digital policy. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4: Istorii. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniia*, 2022, vol. 27, iss. 1, pp. 213–224. <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.1.18> (In Russian)

Pyrma R. V. The influence of digital communications on political participation. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*, 2019, vol. 9, no. 4, pp. 63–69. <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2019-9-4-63-69> (In Russian)

Shabanova M. A. New consumer practices in the context of civil society digitalization: Data of an empirical research in Russia (paper 2). *Sotsiologicheskie issledovaniia*, 2020, vol. 12, pp. 3–17. <https://doi.org/10.31857/S013216250010205-8> (In Russian)

Sherstobitov A. S., Nikiforov A. A. Resource exchange and cooperation in networks of public initiatives in Russian cities (on the example of Chelyabinsk, Ekaterinburg and Novosibirsk). *Central Russian Journal of Social Sciences*, 2018, vol. 13, no. 2, pp. 99–114. <https://doi.org/10.22394/2071-2367-2018-13-2-99-114> (In Russian)

Shukhov F. G. Transformation in the activities of public associations in the digital economy. *Vo-prosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava*, 2019, vol. 9, no. 7A, pp. 29–36. (In Russian)

Sokolov A. V., Beliaikov A. A., Mironova S. V. The role of information and communication technologies in the development of civic activism. *South-Russian Journal of Social Sciences*, 2021, vol. 22, no. 1, pp. 47–69. (In Russian)

Tsepilova O. D., Gol'braikh V. B. Environmental activism: Resource mobilisation for “garbage” protests in Russia in 2018–2020. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*, 2020, vol. 23, no. 4, pp. 136–162. <https://doi.org/10.31119/jssa.2020.23.4.5> (In Russian)

Volkmer I. The Transnationalization of Public Spheres and Global Policy, in: Stone D., Moloney K. (eds). *The Oxford Handbook of Global Policy and Transnational Administration*. Oxford: Oxford University Press, 2019, pp. 240–256.

Volodenkov S. V. Influence of Internet communication technologies on contemporary social and political processes: scenarios, challenges, and actors. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 2019, no. 5, pp. 341–364. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.5.16> (In Russian)

Received: June 12, 2022

Accepted: September 22, 2022

For citation: Sokolov A. V., Palagicheva A. V. Prerequisites for ecosystem approach in civic activity's organization in modern Russia (part 2). *Political Expertise: POLITEX*, 2022, vol. 18, no. 4, pp. 392–405. <https://doi.org/10.21638/spbu23.2022.403> (In Russian)